

Другие книги
серии
«АЗБУКА.ГОЛОСА»

Владимир Березин
СНТ
УРАНОТИПИЯ
СВИДЕТЕЛЬ

Андрей Волос
ОБЛАКА ПЕРЕМЕН
ЦАРЬ ДАРИАН

Роман Шмараков
КНИГА СКВОРЦОВ

Надежда Лидваль
ДЕНЬ ГОРОДА

Марина Чуфистова
ЙАЛКА
ДЕНЬ, КОГДА БОГА НЕ СТАЛО

Сергей Медведев
ВТОРОЙ

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

**ПЕНТАГРАММА
ОСОАВИАХИМА**

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 48

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-29319-9

© В. С. Березин, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Издательство Азбука®

(новый год)

— Вы правы, — кивнул он равнодушно, — я слегка преувеличиваю. У меня сегодня ностальгия.

*Юрий Тынянов.
Смерть Вазир-Мухтара*

Ностальгия — вот лучший товар после смутного времени. Все на манер персонажей Аверченко будут вспоминать бывшую еду и прежние цены. Говорить о прошлом следует не со стариками и не с молодыми, а с мужчинами, только начавшими стареть, — вернее, только что понявшими это. Они ещё сильны и деятельны, но вдруг становятся встревоженными и сентиментальными. Они лезут в старые папки, чтобы посмотреть на снимок своего класса, обрывок дневника, письмо без подписи. Следы жухлой любви вперемешку с фасованным пеплом империи — иногда в тоске кажется, что у всего этого есть особый смысл.

Но поколение катится за поколением, и смысл есть только у загадочного течения времени — оно смывает всё, и ничьё время не тяжелее прочего.

Вокруг просыпался утренний слякотный город с первыми очнувшимися после новогодней ночи прохожими. Они шли разрозненно, нетвёрдо ставя ноги, как усталые бойцы, выходящие из

окружения. Автомобиль обдал меня веером тёмных брызг, затем толкнула женщина с ворохом праздничных коробок. Что-то беззвучно крикнул продавец холодных жареных кур, широко открывая гнилой рот. Бородатый старик в костюме Деда Мороза прошмыгнул мимо. Печальна была его фигура. Впрочем, он всегда был таким — меня с детства угнетали открытки, где Дед Мороз изображался вместе со своим внучком, Новым годом. Внучок был в точно таком же красном зипуне, только коротком. И всё маскировало простую мысль о том, что дедушка-то под бой курантов сдох.

Срок его жизни был короток. И вот он улыбается и пляшет, чтобы скрыть страх. Мальцу-то простительно, он глуп по возрасту.

Город *отходил*, возвращался к себе, на привычные улицы, и первые брошенные ёлки торчали из мусорных баков. Ветер дышал сыростью и бензином. Погода менялась — теплело.

Я свернул в катящийся к Москве-реке переулочек и пошёл, огибая лужи, к стоящему среди строительных заборов старому дому. Там, вдоль гаражей, старуха выгуливала собаку. Собака почти умирала — небедные заботливые хозяева к таким собакам приделывают колёсико сзади, и тогда создаётся впечатление, что собака впряжена в маленькую тележку. Но тут она просто ползла на брюхе, подтягиваясь на передних лапах. Колёсико ей не светило. Мало что ей светило в этой жизни, подумал я, подходя к подъезду.

Слева от него, над сводом арки, горела звезда в окружении шестерёнок и газовых баллонов. Это была старинная эмблема Осоавиахима, сделанная, кажется, из гипса. Такие крепили на те дома, где жильцы научились надевать противогаз и подержали в руках винтовку. Винтовка на эмблеме тоже присутствовала.

За время моего отсутствия какой-то споровистый управдом раскрасил её согласно своим представлениям об эстетике.

Мистический символ давно ушедшего времени заиграл весёлыми красками и наверняка светился в темноте.

Я вздохнул и открыл старинную дверь в многослойных потёках масляной краски.

Я шёл в гости к Евсюкову, что квартировал в апартаментах какого-то купца-толстопуза. Богач давно жил под сенью пальм, а Евсюков уже не первый год, приезжая в Москву, подкручивал и подвёрчивал что-то в чужой огромной квартире с видом на храм Христа Спасителя.

Мы собирались там раз в пятый, оставив бой курантов семейному празднику, а первый день нового года — мужским укромным посиделкам. Это был наш час, ворованный у семей и праздничных забот. Мир впадал в новый год, вваливался в похмельный январский день, бежали дети в магазины за пузырястым лекарством для родителей, а мы собирались бодрячками, храня верность традиции.

Было нас шестеро: егерь Евсюков, инженер Сидоров, буровых дел мастер Рудаков, во всех отношениях успешный человек Раевский, просто успешный человек Леонид Александрович — и я.

И вот я отворил толстую казематную дверь, и оттуда на меня сразу пахнуло каминным огнём, жаревом с кухни и вонючим кальянным дымом.

В гигантской гостиной, у печи с изразцами, превращённой купцом в камин, уже сидели Раевский и Сидоров, пуская дым колечками и совершенно не обращая на меня внимания.

— ...Тут надо договориться о терминологии. У меня к Родине иррациональная любовь, не

основанная на иллюзиях. Это как врач, который любит женщину, но, как врач, он видит венозные ноги, мешки под глазами (почки), видит и всё остальное. Тут нет «вопреки» и «благодаря», это как две части комплексного числа, — продолжал Раевский.

— У меня справка есть о личном общении, — ответил Сидоров. — У меня хранится читательский билет старого образца — синенькая такая книжечка, никакого пластика. Там на специальной странице написано: «Подпись лица, выдавшего билет: Родина».

Они явно беседовали уже долго, беседа эта со-
силькой выросла ещё с прошлого года. Раевский сидел в кресле Геринга. Мы всё время подтрунивали над отсутствующим хозяином квартиры, что гордился своим креслом Геринга. На многих дачах я встречал эти кресла, якобы вывезенные из Германии. Их была тьма, — может, целая мебельная фабрика работала на рейхсмаршала, а может, были раскулачены тысячи дворцов, где всего по разу бывал толстый немец: посидит Геринг минуту да пересаживается в другое кресло, но клеймо остаётся навсегда: «кресло Геринга».

Отсутствующий хозяин действительно вывез это кресло с какой-то проданной генеральской дачи под Москвой.

Участок был зачищен, как вражеская деревня, дом снесён (на его месте новый владелец сделал пруд), а резная мебель с невнятной историей переместилась в город.

Чтобы перебить патриотический спор, я вспомнил уличную сценку:

- Знаете, я, кажется, видел Ляпунова.
- Того самого? Профессора?
- Ну да. Только в костюме Деда Мороза.
- Поутру после Нового года и не такое увидишь. — Сидоров подмигнул. Сидоров был чело-

век простой, и в чтении журнала «Nature» замечен не был. Теорию жидкого времени Ляпунова он не знал и знать не хотел.

Меж тем Ляпунов был загадочной личностью, знаменитым физиком. Сначала он высмеивал теорию жидкого времени, потом вдруг стал яростным её адептом, а потом куда-то исчез. Говорили, что это давняя психологическая травма: у Ляпунова несколько лет назад пропал сын-подросток, с которым они жили вдвоём.

Ляпунов сгинул, может, сошёл с ума, а может, просто опустился, как многие из тех, кто считал себя академической солью земли, а потом доживал в скорби. Были среди них несправедливо обиженные, а были те, чей срок разума истёк. Ничего удивительного в том, что я мог видеть профессора в костюме Деда Мороза. Любой дворник сейчас может на день надеть красный полушубок вместо оранжевой куртки.

— Ну, дворники разные бывают, — возразил Раевский. — Я вот живу в центре Москвы, в старом доме. На первом этаже там живут дворники-таджики. Не знаю, как с ними в будущем обернётся, но эти таджики мне ужасно нравятся: очень аккуратно всё метут, тихие, дружелюбные и норовили мне помочь во всяких делах. Однажды пришёл в наш маленький дворик пьяный, стал кричать, а когда его принялись стыдить из окон, он отвечал разными словами — удивительно в рифму. Так вот таджики его поймали и вежливо вразумили, после чего убрали всё то, что он намусорил битыми бутылками.

— Я уверен, что если ночью постучать к твоим таджикам, то ты станешь счастливым владельцем коробка анаши, — не одобрил этого интернационализма Сидоров. (Я почувствовал, что они сейчас снова свернут на русскую государственность.) — Говорят, что таджикские дворники

на самом деле непростой народ. Помашут метлой, вынут из кармана травы. Вот я поздно как-то приехал домой, смотрю — толкуются странные люди у дворницкого жилья. И везде, куда заселили восточную рабочую силу, я всегда вижу наркоманических людей.

— В Москве сейчас много загадочного. Вот строительство такое загадочное...

— Ой, блин, какое загадочное! — На этих словах из кухни, отряхивая мокрые руки, вылез буровых дел мастер Рудаков. — Золотые купола над бассейнами, туда-сюда. У нас ведь, как всегда, две крайности: то тиграм мяса не докладывают, бутылки вмуровывают в опорные сваи, то наоборот. Вот как-то пару раз мы попадали — то ли на зарывание денег, то ли ещё на что. Мы сажаем трубы, двенадцать миллиметров, десять метров вниз, два пояса, анкера, все дела. Трубы — двенадцать метров глубиной, шаг — метр по осям, откапывают полтора метра, заливается бетонная подушка с нуля ещё метра полтора — что это?

Я слушал эту музыку сфер с радостью, потому что понял, кого мне в этот момент напоминает Рудаков. А напоминал он мне актёра, что давным-давно орал со сцены о своей молодости, изображая бывшего стилигу. Он орал, что когда-то его хотели лишить допуска, а теперь у него две мехколонны и пятьдесят бульдозеров. В тот год, когда эта реприза была особенно популярна, мы были молоды по-настоящему, слово «допуск» было не пустым, но вот подумать, что мы будем относиться к этому времени с такой нежностью, как сейчас, мы не могли. Я почувствовал себя лабораторным образцом, что отправил профессор Ляпунов в недалёкое прошлое, залив его сжиженным, ледяным временем.

Мы все достигли разного и, кажется, затем и были нужны друг другу — чтобы хвастаться.

Но сейчас было видно, что ни славянофилы, ни западники ответить Рудакову не могут.

Я, впрочем, тоже.

Поэтому буровых дел мастер Рудаков сам ткнул пальцем в потолок:

— Что это, а? Стартовый стол ракеты? Так он и чёрта выдержит, не то что ракету. А ведь через год проезжаешь — стоит на этом месте обычный жилой дом. Ну, не обычный, конечно, с выпендрёжем, но, зная его основание, я вам могу сказать: десять таких домов оно выдержит. С лихвой! На хрена?

Раевский всё же вставил слово:

— Легенд-то много, меня-то удивляет другое — насколько они близки к реальности.

— Много легенд, да, — мы вот на Таганке бурили, там, где какой-то офисный центр стоит. Так нас археологи неделю, наверное, доставали. Сначала пытались работу остановить, но потом поняли — нет, бесполезно. Пришло трое мужиков средних лет, а при них двое шестёрок, пацаны такие, лет по девятнадцать. Рылись в отвале — а ведь там черепки кучами. Они шурфы отрыли — неглубокие, правда, по полметра, наверное. До хрена — до хрена, много этих черепков-то. Я перекурить пошёл, к ним подхожу: «Ну чего?» Смотрю, у них там одна фанерка лежит: это двенадцатый век, говорят, на другой фанерине тринадцатый век лежит — весь в узорах. Четырнадцатый и пятнадцатый опять же, а так ведь и не скажешь, что пятнадцатый по виду. Ну, там, пятьдесят лет назад расколотили этот горшок.

— Удивительно другое, — вздохнул Раевский. — Несмотря на столетие и волны мародёров такое количество вещей до сих пор находится в домах. Какие-нибудь ручки бронзовые или что ещё.

— Да что там ручки! Было одно место в Фурманном переулке. Сначала, когда мы приехали, стоял старый дом, только потом его стали сносить. Такой крепкий дом, старой постройки, трёхэтажный. Сидел там сторож: мы приходим как-то к нему, а он смурной и нервный. Явилась ночью компания, говорит, три или четыре человека, лет по сорок, серьёзные. А там ведь, как темнеет, а темнеет летом поздно, на все старые дома, как муравьи на сахар, лезут всякие кладоискатели, роют-ковыряют.

Дом действительно старый, восемнадцатого, может, века, там уже даже рам не осталось — стены да лестницы. И вот как стемнеет, этот дом гудел.

Сторож этот пришельцев гонял, а тут... Тоже хотел шугануть, но эти серьёзные люди ему что-то колюще-режущее показали и говорят, сиди, дескать, дедушка, нам нужен час времени. Через час можешь что хочешь делать — милицию сналивать, звонить кому-нибудь, — а сейчас сиди в будке и кури. Напоследок дед, правда, бросил им: «Ничего не найдёте, здесь рыщено-перерыщено». Мужики повторяют: «Сиди, дед. Мы знаем, чё нам надо».

Ну, через час он вышел, честно так вышел, как и обещал, пошёл смотреть. На лестничной площадке между вторым и третьим этажом вынута несколько кирпичей, а за ними — ниша, здоровая. Пустая, конечно.

Было там что, не было ли — хрен его знает. Да сломали давно уж.

Тут я пошёл на кухню слушать Евсюкова. Однако ж Евсюков молчал, а вот Леонид Александрович как раз рассказывал про какого-то даосского монаха.

Евсюков резал огромные узбекские помидоры, и видно было, что Леонид Александрович участвовать в приготовлении салата отказался. Наверняка они только что спорили о женщинах: они всегда об этом спорили — потомственный холостяк Евсюков и многожды женатый Леонид Александрович.

— Так вот этот даос едет на поезде, потому что собирал по всей провинции пожертвования. Вот он едет, лелеет ящик с пожертвованиями, смотрит в окно на то, как спит вокруг гаолян и сопки китайские спят, но его умиротворение нарушает вдруг девушка, что входит в его купе.

Она всмотрелась в даоса и говорит:

«Мы тут одни, отдайте мне ящик с деньгами, а не то я порву на себе платье и всем расскажу, что вы напали на меня. Сами понимаете, что больше вам никто не то что денег не подаст, но и из монахов вас выгонят».

Монах взглянул на девушку безмятежным взглядом, достал из кармана дощечку и что-то там написал.

Девушка прочитала: «Я глухонемой, напишите, что вы хотите».

Она и написала. Тогда даос положил свою дощечку в карман и, всё так же благостно улыбаясь, сказал:

«А теперь — кричите...»

— Вот видишь, — продолжил Евсюков какой-то ускользнувший от меня разговор, — а ты говоришь — уход и забота...

Мне всучили миску с салатом, а Евсюков с Леонидом Александровичем вынесли гигантский поднос с бараниной:

— Ну, всё. Стол у нас не хуже, чем на Рублёвском шоссе.

Рудаков скривился:

— Знавал я эту Рублёвку, бурил там — отвратительный горизонт. Чуть что — поползёт, грохнется.

Мы пили и за старый год, угрюмо и неласково, ибо он был полон смертей. И за новый — со спокойной надеждой. Нулевые годы катились под откос, и оттого, видимо, так чётко вспоминались отдаляющиеся девяностые.

У каждого из нас была обыкновенная биография в необыкновенное время. И мы, летя в ночи в первый день нового года над темнеющим городом, принялись вспоминать былое, и все рассказы о былом начинались со слов «на самом деле». А я давно знал, и знал наверняка, что всё самое беспардонное враньё начинается со слов «на самом деле...».

Говорили, впрочем, об итогах и покаянии.

Слишком многие из тех, кого мы знали, не просто любили прошлое, но и каялись публично в том, что сделали что-то неприличное в период первичного накопления капитала. Я сам видел немало покаяний собственных друзей, и которые, как правило, происходили в загородных домах, на фоне камина, с распитием дорогого виски. Под треск дровишек в камине, когда все выпили, но выпили в меру, покаяния идут очень хорошо.

Есть покаяния другие — унылые покаяния неудачников, в нищете и на фоне цирроза печени. Очень много разных форм покаяний, что заставляют меня задуматься о ревизии термина.

— Мы тоже сидим у камина, — возразил Равевский, — по-моему, наличие дома или нищеты для покаяния не очень важно. Покаяние, если это не диалог с Богом, — это диалог между человеком и его совестью. Камин или жизнь под забором — обстоятельства, не так важные для Бога и для со-

вести. Важно, что человек изменился и больше не совершит какого-то поступка. Совесть — лучший контролёр.

— Ну да. Ему это не нужно. К тому же есть такая штука — некоторых искушений просто уже нет по их природе. То, что человек мог легко сделать в девяностые годы, сейчас невозможно. Как говорится, зачем снова садиться на Боливара, что не вывезет двоих. «Мне очень жаль, но пусть он платит по один восемьдесят пять. Боливар не снесёт двоих» — и ему действительно очень жаль. Но по один восемьдесят пять уже уплачено. Не верю я в эти покаяния. Если они внутренние, то они, как правило, остаются внутренними и не выплёскиваются на застольных друзей, газеты или телевизор. А если выплёскиваются, то это что-то вроде публичного сжигания партбилета в прямом эфире.

— А что, рубануть по пальцу топором, бросить всё и отправиться в странствие по Руси? Ну, сильный ход.

— Не знаю, ребята. А вот нравственное покаяние, когда жизнь обеспечена и деньги — к деньгам, — вещь куда более сложная для этического анализа.

— Я вот что скажу: все написанные слова — фундамент нынешнего благосостояния. Это такие мешки с долларами, покраденные с того паровоза, что остановился у водокачки. Как в этом каяться — ума не приложу: вынимать ли из фундамента один кирпич, разбирать ли весь фундамент.

Нет, по мне, сжигание партбилета — особенно когда за это не сажают — чрезвычайно некрасивый поступок, но покаяние без полной переборки фундамента тоже нечто мне отвратительное. Это ведь очень давно придуманная песня, старая игра в пти-жё: я украл три рубля, а свалил на гор-

ничную, а я девочку развратил, а я в долг взял и не отдал, а я написал дрянь и деньги взял. И начинается игра в стыд, такое жеманничанье. Друзья должны вздохнуть, налить ещё вискаря в низкие, до хруста вымытые стаканы и выпить. А потом кто-то ещё что-то расскажет — про то, как попилил бабла и что теперь немного, конечно, стыдно, — но все понимают, что если бы не попилил, то мы бы не сидели на Рублёвке и после бани не пили хороший виски. И вот все кивают и говорят: да-да, какой ты чуткий, братан, тебе стыдно, и это так хорошо. И стыд хорошо мешается с виски, как запах дров из камина со льдом в стакане. Как-то так.

— Да сдалось тебе благосостояние! Тебе кажется, что поводом для раскаяния может быть только поступок, за который получены деньги! Понятно, сидя перед камином, сетовать, что пилил бабло, как-то нехорошо. Но ведь и не говорить — нельзя. Я вот никогда не пилил бабло, — возразил просто успешный человек Леонид Александрович. — При чём тут твоё благосостояние? Мне, например, про твоё благосостояние ничего не известно. И деньги тут тоже ни при чём, вернее, они (если говорить об уравнениях) только часть схемы «деньги — реноме — деньги-штрих». Более того, я вообще сложно отношусь к проблеме распила: ведь мы все получали деньги от тех же пильщиков. Но благосостояние тут очень даже при чём — наша система довольно хорошо описана многими литераторами и философами, которые говорили о грехе и покаянии в церковном смысле. Меня-то интересует очень распространённый сейчас ритуал раскаяния, смешанный с ностальгией — которая не собственно сожаление, а такая эстетическая поза: грешил я, грешил... а потом отпил ещё.

То есть понятно, что есть вещи, которых я бы сейчас делать не стал, но вспомнить их, скорее, приятно. А есть вещи, которые и делать бы не стал, и вспоминать очень неприятно. Последние, как правило, завязаны на чувство вины: «Вот, поди ж ты, какие у этого были печальные последствия».

— Ну да, ну да. Но я как раз повсеместно наблюдаю сейчас стадию «сладкого воспоминания о грехе» — поэтому-то и сказал, что задумываюсь о сути самого понятия. Вот дай нам машину времени, то как мы поступим?

Я слушал моих друзей и вспоминал, как жарким летом ушедшего года совершил такое же путешествие во времени — вернулся лет на двадцать назад, и это был горький опыт. В общем, это было очень странное путешествие. В том месте — среди изогнутой реки, холмов, сосен и обрывов над чёрной торфяной водой — я впервые был лет пятнадцать назад и потом ездил туда раз в год, пропустив разве раз или два — когда жил в других странах.

Ежегодно там гудел день рождения моего приятеля, но первый раз я приехал в другом раскладе — с одноклассником. Он только что отбил жену у приятеля, и вот теперь объезжал с ней, усталой, с круглым помидорным животом, дорогие сердцу места, прощаясь, оставляя их в прошлом. Одноклассник уже купил билеты на «Эль-Аль», и Обетованная земля ждала их троих. И я тогда был не один, да.

И вот за эти ушедшие, просочившиеся через тамошний песок годы на поляне, где я ночевал, ушлые люди вырастили ели, потом топорами настучали ёлкам под самый корешок, расставили их по московским домам — теперь там было поле, синее от каких-то лесных фиалок. Самым стран-

ным ощущением было ощущение от земли, на которой ты спал или любил. Вот ты снова лежишь в этом лесу, греешь ту же землю своим телом, а потом ты уходишь — и целый год на это место проливаются дожди, прорастает трава, вот эта земля покрывается снегом, вот набухает водой, когда снег подтаивает. И ты снова ложишься в эту ямку, входишь в этот паз — круг провернулся как колесо, жизнь, почитай, катится с горки. Но ты чувствуешь растворённое в земле и листьях тепло своего и её тела. У меня было немного таких мест, их немного, но они были: в крымских горах, куда не забредают курортники, в дальних лесах наверху, где нет шашлычников. Или в русских лесах, где зимой колют дрова и сидят на репе и звезда моргает от дыма в морозном небе. И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли да пустое место, где мы любили. Теперь и там, и где-то в горах действительно пустое место. А когда-то там стояла наша палатка, и мы любили у самой кромки снега. С тех пор много раз приходили туда снега, выпадая, а потом стекая вниз. На той площадке, сберегавшей нас, теперь без нас сменяются сезоны, там пустота, трава да ветер, помёт да листья, прилетевшие из соседнего леса. Там и здесь, в этом подмосковном лесу, без меня опадала хвоя и извилисто мимо текла река, и всё никогда не будет так же — дохнёт свинцовой гарью цивилизация, изменит русло река, а останется только часть тепла, частица. Воздух. Пыль. Ничто.

И время утекло водой по горным склонам, по этой реке, как течёт сейчас в нашем разговоре, когда мы пытаемся вернуть наши старые обиды, а сами уплываем по этой реке за следующим поворот.

— Машина времени нам бы не помешала, — вдруг сказал я помимо воли.

— Ты знаешь, я о таких машинах регулярно смотрю по телевизору. Засекреченные разработки, от нас скрывали скручивание, торсионные поля... Сапфировый двигатель, опять же.

— Ну да, ну да. Сапфировый двигатель, случайно, не содержит нефритовый ротор и яшмовый статор?

— Вова! — скорбно сказал Раевский. — Ты ведь тоже ходил к Ляпунову на лекции... Тут всё просто: охладил — время сжалось, нагрел — побежало быстрее.

— Не всё просто: это, вернее, простая теория — охладить тело до абсолютного нуля, 273 градусов по Цельсию, — и частицы встанут. Но если охлаждать тело дальше, то они начнут движение в обратном направлении, станут колебаться, повторяя свои прошлые движения, — и время пойдёт вспять. Да только всё это мифы, газета «Оракул тайной власти», зелёные человечки сообщают...

— А Ляпунов? — спросил Сидоров.

— Ляпунов — сумасшедший, — быстро ответил успешный во всех отношениях человек Раевский. — Вон Володя его в костюме Деда Мороза сегодня видел.

— Тут дело не в этом, — сказал просто успешный человек Леонид Александрович. — Ну вот попадаешь ты в прошлое, раззудись плечо, размахнись рука, разбил ты горячий камень на горе, начал жизнь сначала. И что ты видишь? Ровно ничего — есть такой старый анекдот про то, как один человек умер и предстал перед Господом. Он понимает, что теперь можно всё, и поэтому просит:

«Господи, — говорит он, — будь милостив, открой мне, в чём был смысл и суть моей жизни? В чём её соль, так сказать?»

Березин В.

Б 48 Пентаграмма Осоавиахима : роман / Владимир Березин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 512 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-29319-9

Сегодня всё ещё можно увидеть на некоторых домах Петербурга и Москвы таинственный знак — звезда в окружении шестерёнок, газовых баллонов, пропеллеров, молотков и винтовок. Знак этот называется «Крепим оборону СССР», он — эмблема Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству, существовавшего в СССР в 1927–1948 годах. С 1937 года этой звездой отмечали дома, жильцы которых участвовали в оборонных делах. Теперь это символ законченного советского проекта, загадочным иероглифом проступающий сквозь потрескавшуюся краску.

«Пентаграмма Осоавиахима» — книга о мистическом начале Великого Советского Делания, что было выше любых алхимических экспериментов, в котором сплавлены вместе надежды на справедливость и ужас напрасных жертв, героический труд и жертвенность людей, ошибки, поражения и великие победы. Герои этой книги связаны между собой, но каждый проживает отдельную жизнь. Вот Сурганов отказывается приносить человеческую жертву божеству новых времён — Ктулху. Вот мальчишки Большой Минин и Маленький Ляпунов хотят посмотреть на новую станцию метро, но проваливаются в Москву совсем другой эпохи (будьте осторожны, новые станции не то, чем кажутся!). Вот придуманные героем женщины русской революции вдруг оживают и становятся частью реальности.

Писатель-мистик, как сам себя характеризует Березин, ловко настраивает оптические приборы, да так, что и читатель вслед за ним будет прозревать загадочное в повседневной жизни. Сверхъестественное не является здесь темой или сюжетом, оно смутно угадывается за каждым словом, подобно тому как проступает загадочная звезда на стенах домов.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БЕРЕЗИН
ПЕНТАГРАММА ОСОАВИАХИМА

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.07.2025.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 23,84. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MOD-38425-01-R